

Хань Дуншэн вернулся в столицу пять дней назад и все эти пять дней крутился как белка в колесе.

Его мать, Шу Янь, незадолго до этого уехала за границу со своими аспирантами на научную стажировку. Эту поездку спланировали давно, отменить или перенести её было невозможно, поэтому все хлопоты по оформлению академического отпуска для Хань Дунсюэ легли на плечи старшего брата.

К моменту рождения сестры семья Хань уже ни в чём не нуждалась. Шу Янь сложно было назвать мягкой и заботливой матерью: преподавательская деятельность всегда привлекала её куда больше семейного быта. Отец тоже с головой уходил в работу. В школу и обратно Дунсюэ почти всегда провожал старший брат, да и в повседневной жизни именно он заботился о ней больше всех.

После смерти отца семейное бремя легло на плечи Дуншэна, и времени на сестру стало катастрофически не хватать. Пока он изо всех сил старался расширить и укрепить унаследованное дело, Дунсюэ незаметно для всех превратилась в трудного, бунтующего подростка.

В этом семестре она наотрез отказалась ходить на занятия — без объяснения причин. В их семье, где у каждого было как минимум высшее образование, а мать и вовсе носила звание профессора, остаться со свидетельством об окончании средней школы считалось чем-то немыслимым.

Дуншэн не раз пытался поговорить с сестрой по душам, но все беседы заходили в тупик. На этот раз он лично встретился с её классным руководителем, учителями-предметниками и даже разыскал нескольких близких друзей, но собранные по крупицам сведения ясности не добавили.

Уважая выбор сестры, он тем не менее не хотел, чтобы в будущем она пожалела о поспешном шаге, лишившись возможности всё исправить. Поэтому вместо полного отчисления он оформил ей академический отпуск. В тот день, когда все документы были готовы, Дунсюэ заперлась в своей комнате. Нос наружу она не показывала, принесённую еду съедала, но не проронила ни слова.

Как старший брат и глава семьи, Дуншэн разрывался на части. С одной стороны, он приглядывал за притихшей сестрой, боясь, как бы она не натворила глупостей сгоряча, с другой — созванивался с матерью, стараясь говорить бодрым тоном, чтобы не портить ей поездку. К тому же за время его отсутствия в пищевой компании «Тэньюэ» накопилась гора неотложных дел. Ему пришлось перенести работу на дом, и теперь порог его квартиры не просыхал от визитов подчинённых.

Лишь глубокой ночью, когда суэта улеглась, посторонние расходились, а сестра засыпала, Дуншэн позволял себе недолгую передышку. В первую ночь он ничего особенного не почувствовал: разобравшись с делами, немного почитал и сразу уснул. Но на второй вечер,

изнурённый до предела, он опустился на диван и внезапно понял, что спать не хочет. Ему отчаянно захотелось поговорить с кем-нибудь.

Не о делах или проблемах — просто перекинуться парой пустяковых фраз. И не с родными, не с коллегами и даже не с приятелями. Но с кем тогда?

Перед глазами вдруг возникло лицо. Молодое, бледное, поразительно красивое. Крошечная родинка на кончике носа, ещё одна — на правой щеке. И этот взгляд, устремлённый на него — искренний, обжигающе горячий.

Ему хотелось спросить, шумно ли было сегодня в закусочной, как идут дела, слушается ли младший брат. Спросить, что он ел на ужин, какие фильмы любит смотреть, какую музыку слушает. Понравился ли ему тот кофе? И если да, то, может, он хочет почаще заходить к нему на чашку-другую?

Пожалуй, он и сам мог бы поделиться навалившимися заботами. Не ради сочувствия или готового решения — просто чтобы кто-то выслушал. А может, услышать в ответ те самые слова, сказанные некогда в кабинете главы района Чжэн:

— Ты ведь собирался расширять бизнес? Что же ты пасуешь перед первыми трудностями? Я буду здесь, пока ты со всем не разберёшься!

При воспоминании об этом губ Дуншэна коснулась невольная улыбка.

На третий вечер он поймал себя на мысли: а не потерял ли Линь Юй визитку с его домашним номером? На пятый — окончательно пожалел, что сам не догадался спросить у юноши телефон.

А что же Линь Юй? В своём районе Хунци он как раз закончил установку камер видеонаблюдения в закусочной и пребывал в прекрасном расположении духа. О Хань Дуншэне, томящемся в столице, он практически не вспоминал. Не потому, что тот не оставил следа в его душе, просто у Линь Юя тоже выдались безумные деньки.

В это воскресенье в закусочной «Хуэйминь» наконец запустили шведский стол. По соседству, в ресторане «Яньцин», тоже праздновали открытие: земля перед порогом была усыпана алыми ошмётками взорванных петард.

У Су Яньцин не водилось полезных знакомств, поэтому её зятю, Ли Гуанминю, пришлось забыть о приличиях и служебной этике. Уверая всех, что заведение принадлежит сестре его жены, он, невзирая на косые взгляды, созвал на торжество чуть ли не всё руководство и коллег из Первой районной начальной школы. Собралась внушительная толпа.

Линь Юй же пригласил в основном рабочих с окрестных заводов, так что клиентуру заведения не делили. Приятным сюрпризом стал визит Яна Гочжи. Директор завода явился без приглашения, да ещё и с роскошным подарком — изящной вывеской-пожеланием «Пусть богатство течёт рекой», которую Линь Юй тут же повесил на самое видное место.

Оба заведения праздновали вовсю, не мешая друг другу. Однако позже директор школы Лю Юнли, заметив среди гостей закусочной «Хуэйминь» Яна Гочжи, решил зайти поздороваться. За ним потянулись и другие школьные чины. Заглянув внутрь, они так и замерли от любопытства. В самом Хунъяне шведский стол был в диковинку, а для района Хунци и вовсе казался невиданным новшеством.

Как назло, Линь Юй как раз вынес из кухни свежеприготовленное жареное молоко и холодные маринованные куриные лапки с лимоном, сделанные накануне. Гости от одного вида этих деликатесов не смогли сдвинуться с места и тут же уселись за столы. Жареное молоко манило сладким сливочным ароматом, а лимонные лапки оказались хрустящими и невероятно освежающими. Сытными эти блюда назвать было нельзя, но в качестве закусок они были безупречны.

В те годы подобных рецептов ещё никто не знал, даже опытный Сунь Фулу признал, что закуски вышли отменными и необычными.

Тем временем в соседнем ресторане Ли Гуанмин, так и не дождавшись возвращения директора школы, отправил Су Яньцин разузнать, в чём дело. Увидев, что всё их начальство преспокойно пирует у конкурентов, он буквально почернел от злости.

Впрочем, Лю Юнли глупцом не был — иначе не возглавил бы школу. Отдав должное изысканным вкусам и рассыпавшись в похвалах, он увёл своих коллег обратно, чтобы не подрывать авторитет Ли Гуанминя. Тем не менее в душе у последнего затаилась глубокая обида.

Линь Юй, впрочем, не забивал себе этим голову. Во время обеда Ян Гочжи обмолвился, что насосный завод под шумок закупил вместе с оборудованием для завода минеральной воды несколько комплектов систем видеонаблюдения. Провожая гостей, юноша отвёл директора в сторонку, и старик без лишних слов согласился переуступить ему один комплект по себестоимости.

Линь Юй привык действовать без промедления: в тот же день оплатил покупку, нанял трёхколёсную тележку, забрал ящики с завода и всю ночь напролёт монтировал технику в зале и на кухне.

На следующее утро посетители так и ахнули: на стене красовался новенький цветной телевизор, на экране которого в режиме реального времени показывали кухню — прямо на их глазах старый Сунь Фулу ловко орудовал огромным черпаком над дымящимся воком.

Вот Хоу Сяохун выносит поднос с дымящимся блюдом, вот она же скрывается за дверью с

пустой посудой. Люди то и дело переводили взгляд с экрана на кухонную дверь, не скрывая восторга от невиданного зрелища. Посторонним вход на кухню был закрыт, и хотя через раздаточное окно можно было кое-что разглядеть, полной картины оно, конечно, не давало.

Теперь же посетители воочию убедились, в какой безупречной чистоте и порядке содержится кухня закусочной «Хуэйминь». Любый желающий мог проследить весь путь блюда: от мытья овощей и разделки мяса до шипения масла на сковороде и подачи на стол. Никакого обмана, никакой грязи — всё предельно честно.

К тому же на плите непрерывно кипел огромный чан с водой, где стерилизовали посуду. Стало понятно, почему пустые пиалы всегда обжигали пальцы, когда их брали в руки. И хотя камеры ставились исключительно ради безопасности — чтобы защитить кухню от возможных козней завистников, — это новшество сработало как лучшая реклама. Даже самые брезгливые горожане, обычно избегавшие общепита, теперь без боязни шли обедать к Линь Юю.

В ресторане «Яньцин» дела тоже шли неплохо: эффект новизны и обновлённое меню привлекали любопытных, но тягаться с закусочной «Хуэйминь» им всё равно было не под силу. В часы пик Су Яньцин частенько крутилась возле окон конкурентов. Сяо Хун, заметив её, сердито раздувала щёки и бежала жаловаться хозяину. Линь Юй лишь добродушно посмеивался:

— Да пусть смотрит, жалко, что ли? У нас свободная страна.

А про себя думал:

«Смотри, смотри внимательней. Да расскажи сегодня же своему Ли Гуанминю, что каждый метр у нас теперь под записью. Кухня как на ладони, любой неверный шаг пишется на плёнку. Попробуйте выкинуть какой фокус — сами же в капкан и уйдёте».

Через несколько дней Ян Гочжи снова заглянул в закусочную «Хуэйминь». Было около четырёх часов дня — глухое время между обедом и ужином. Линь Юй уже собрался предложить ему перекусить, но пожилой директор, сияя как бог долголетия Шоу-син, вложил в его руку нечто увесистое.

— Тебя к телефону, — заговорщически подмигнул старик.

Юноша растерянно моргнул. В ладони покоился внушительный чёрный брусок с кнопками, крошечным дисплеем и длинной антенной на макушке. Он сразу узнал знаменитую новинку от «Моторолы» — портативный сотовый аппарат, который в народе за громоздкий вид окрестили «дагэда» — «старшим братом» среди телефонов. Стоила такая игрушка баснословные двадцать тысяч юаней — астрономическая сумма для абсолютного большинства простых людей, включая самого Линь Юя.

Заметив замешательство парня, Ян Гочжи забрал трубку обратно, ловко набрал номер и прижал её к уху. Спустя пару гудков его лицо расплылось в широкой улыбке:

— Да, я на месте. Он прямо перед мной стоит, сейчас передам.

Старина Ян вновь всучил аппарат Линь Юю и подбодрил его кивком, безмолвно призывая приложить трубку к уху.

На душе у Линь Юя сделалось беспокойно. В голову скользнула смутная догадка, показавшаяся слишком неправдоподобной, но больше звонить ему было некому. Прижав массивную трубку к уху, он нерешительно произнёс:

— Алло, здравствуйте.

На том конце провода ответили не сразу. В притихшем зале, где дядя Сунь и Сяо Хун мирно похрапывали на составленных в ряд стульях, из динамика доносилось лишь ровное, едва слышное дыхание. Прошло несколько томительных мгновений, прежде чем знакомый голос наконец произнёс:

— Чем занимаешься?

Низкий, бархатистый тембр, безупречный столичный выговор — собеседник говорил с чёткостью профессионального диктора. Сомнений не оставалось: звонил Хань Дуншэн. Но будничным, доверительным тон этого вопроса застал Линь Юя врасплох, лишив дара речи. Юноша растерялся, не зная, как реагировать на подобную фамильярность.

Не дождавшись ответа, Хань Дуншэн спросил:

— Моя визитка... ты её сохранил?

Станный вопрос, но на него хотя бы было легко ответить. Линь Юй облегчённо выдохнул:

— Да, конечно. В кошельке лежит.

Собеседник тихо хмыкнул. В этом коротком звуке почудилось скрытое удовлетворение. Снова повисла пауза, после чего Хань Дуншэн заговорил ещё тише, почти переходя на интимный шёпот:

— Ты злишься на меня?

Линь Юй округлил глаза. Сначала на его лице отразилось изумление, затем сомнение,

уступившее место полному недоумению. Он украдкой взглянул на Яна Гочжи, но старик даже не смотрел в его сторону, увлечённо разглядывая трансляцию с кухни на экране телевизора.

Линь Юй глубоко вдохнул, пытаясь собраться с мыслями и вернуть разговор в нормальное русло. Но Хань Дуншэн опередил его:

— Прости. Обещал вернуться пораньше, но дела никак не отпускают. Придётся задержаться ещё на пару дней.

Кажется, на вокзале тот действительно упоминал что-то подобное, но Линь Юй не придал значения его словам. Понимая, что нужно проявить вежливость, он поспешил успокоить собеседника:

— Ничего страшного, господин Хань. У вас наверняка полно важных дел, бизнес требует личного присутствия.

Разговор вновь завял. Неловкость росла с каждой секундой. Пытаясь справиться со смущением, Линь Юй принялся елозить носком ботинка по полу, рискуя протереть подошву. Наконец он набрался смелости и озвучил мучивший его вопрос:

— Вы позвонили мне по какому-то конкретному делу?

— Да нет, дел никаких, — мягко ответил тот. — Я просто... скучал по...

Динамик вдруг оглушительно затрещал, голос потонул в помехах, а маленький экранчик мигнул и погас. Линь Юй замер с умолкшей трубкой у уха. Заметив его растерянность, Ян Гочжи забрал аппарат, покрутил в руках и озадаченно почесал затылок:

— Эх, разрядился.

— Господин Хань хотел обсудить что-то важное? — спросил юноша.

Директор Ян лишь добродушно рассмеялся:

— Да откуда мне знать, что у вас, молодых, на уме?

Попрощавшись, старик ушёл, оставив Линь Юя в полнейшем замешательстве.

А в это время в далёкой столице Хань Дуншэн задумчиво разглядывал замолкшую телефонную трубку.

<http://bllate.org/book/20105/1993557>